

Возможна ли тюркская этимология этнонима «ойрад», имён «Джангар», «Чингис» и «Гэсэр»?

Как известно, происхождение этнонимов *ойрад*, *халимаг*, *монгол*, *буряад*, *эхирид*, *булагад*, *хонгоодор* и др. давно уже волнует умы монголоведов, и по этой проблеме выдвинуто множество гипотез, подчас взаимоисключающих друг друга. Не меньший интерес ученых привлекает также проблема этимологизации таких известных во всех уголках Центральной Азии имён, как *Джангар*, *Чингис*, *Гэсэр*. По вопросу этимологии этих этнонимов и имён в монголистике сложилась большая научная и научно-популярная литература.

Поскольку в данной статье мы не ставим своей целью дать полный обзор всей этой литературы и анализ представленных в ней всех гипотез и точек зрения, то здесь ограничимся лишь разъяснением нашей гипотезы о тюркском происхождении этнонима *ойрад* и имён *Джангар*, *Чингис*, *Гэсэр*, по поводу этимологии которых существует наибольшее количество точек зрения. Следует отметить, что среди имеющихся гипотез очень мало таких, которые выдвинули и пытались обосновать лингвисты. Общим недостатком их предположений является то, что они опираются на данные только одного языка - монгольского, хотя давно известно и общепризнано, что в западном и центральном ареале Центральной Азии монгольские племена тесно взаимодействовали с тюркскими, зачастую в силу разных причин происходило отюречивание по языку монгольских племен и родов и омонголивание тюркских. Происходило это и в каменном веке, и в эпоху бронзы и железа, продолжает происходить в отдельных регионах и в наши дни. Эти факты давно известны историкам и получили освещение в научной литературе. Поэтому проведение этимологического анализа указанных этнонимов и имён без привлечения тюркского языкового материала представляется недостаточным. Наша попытка опереться на тюркские языковые материалы, учесть закономерности исторического развития тюркских языков вообще и их ареалов и групп в частности, а также использовать при анализе закономерности исторического развития звукового и грамматического строя монгольских языков позволила получить неожиданные результаты, суть которых хотелось бы изложить ниже.

1. Этимология этнонима *ойрад* вызвала в монголоведной литературе не меньше споров и противоречивых мнений, чем и этимология этнонима *монгол*. Так, название *ойрад* возводили к древней монгольской словоформе *ойра* «близкий», т.е. *ойрад* это якобы «ближние», «союзники» [Банзаров 1955. С. 181]. Сам Д. Банзаров, отвергая и критикуя эту этимологию, предложил свой вариант толкования данного этнонима, который образовался, по его мнению, от слияния двух монгольских слов *ой* «лес» и *арад* «народ», т.е. *ой* + *арад* - лесной народ [Банзаров 1955. С. 182]. Эта гипотеза была поддержана впоследствии, например, Г.Д. Санжеевым [1955. С. 19], Ц.Б. Цыдендамбаевым [1955. С.18], Ш.-Н.Р. Цыденжаповым [1990. С. 86–96]. Подкреплялась она тем, что в средние века действительно у монголов было понятие «лесной народ» - *hoi-yin irgen*, зафиксированное, например, в «Сокровенном сказании монголов» 1240-го г. [Цыденжапов 1990. С. 90]. Г.И. Рамstedт [1909. С. 550] выдвинул предположение, что *oyirad* не могло возникнуть как множественное число от *oyira* «близкий; близко», ибо здесь должно быть **ойрас*. Кстати, в этом Рамstedт был прав. Отверг он и этимологию *oi* + *arad* - лесной народ, предложив свою версию, согласно которой *oirad* восходит к тюркскому этнониму *oyuz*. Г.О. Авляев, исследовавший проблему происхождения калмыцкого народа, критикует все эти версии и не соглашается с ними [Авляев 2002. С. 184–185]. Против гипотезы Г.И. Рамstedта резко возражает Ш.-Н.Р. Цыденжапов [1990. С. 88]: «Трактовка о возможности превращения древнетюркского *огуз* при его заимствовании в монгольский язык в слово *ойрад* является только теоретически допустимой догадкой... Для выяснения этого вопроса сравним древнетюркское слово *огуз* - молозиво, которое по фонетической структуре близко лексеме *огуз* - название народа, с его старомонгольским вариантом *угураг* - молозиво. Как видно, корневая часть *огу-угу* в его тюркской и монгольской разновидностях почти совпадает. Значит, не всегда древнетюркское *огу* в монгольском языке может быть представлено звукосочетанием *ой*». Далее он продолжает [То же. С. 89–90]: «Если верно, что слово *огуз* не изменилось в *ойрад* в процессе заимствования, то оно, на наш взгляд, не могло осуществляться в результате его изменений в пределах одних монгольских языков. Это объясняется тем, что старомонгольскому и современному монгольскому языкам не присущ регулярный или постоянный процесс превращения звукокомплекса *огу* в *ой*. В абсолютном большинстве случаев наблюдается преобразование звукосочетаний *огу* в долгое *оо* путём стяжения слогов в результате утраты интервокального согласного *г*. Примеры: старомонг. *тогуриг* > совр. монг. *тоорцог* - цветочная чашечка; старомонг. *тогусу* > совр. монг. *тоос* - пыль; старомонг. *тогудаг* > совр. монг. *тоодог* - дрофа».

Автор последних цитат, как нам представляется, совершенно прав, доказывая, что комплекс *огу* не мог перейти в *ой*, преобразуясь в монгольских языках в долгий гласный *оо*, равно как и невозможность образования этнонима *ойрад* от наречия *ойра-ойро* - близко. В то же время инту-

итивная догадка Г.И. Рамстедта о возведении *oirad* к *oyuz* всё же возникла не на пустом месте. Здесь есть рациональное зерно. Только гипотеза эта требует совершенно иного объяснения.

По нашему мнению, современное монгольское произношение этого этнонима *ойрд* и его калмыцкий эквивалент *өөрд* восходят к архаичному варианту *oyirad*, зафиксированному в этом виде в старописьменном монгольском языке. Если допустить, что элемент *-ad* здесь является формантом множественного числа, то основой будет **oyir*, которая может быть возведена к еще более архаичному варианту ***oyir*, который после того, как в древнемонгольском языке на определенной стадии развития древние гласные **i* и **i* совпали в одном *i*, стал выглядеть как **ogir*. В процессе исторического развития звукового строя монгольских языков комплекс *ogi*, равно как и другие однотипные комплексы *ugi* (< **uyi*), *agi* (< **ayi*), *egi*, закономерно развились после палатализации интервокального *-gi-* в комплексы *oyi*, *uyi*, *ayi*, *eyi*, что получило фиксацию в старописьменной письменности, так как к моменту её распространения среди монголов процесс этот уже был завершён. В современном монгольском языке на месте старомонгольских *oyi*, *uyi*, *ayi*, *eyi* везде развились дифтонги *ой*, *уй*, *ай*, *эй*. Например: совр. монг. *сойх*, значения которого в новом 4-томном «Большом академическом монгольско-русском словаре» [III том. С. 107] определены как «1) туго натягивать и закреплять; 2) выдерживать, выстаивать лошадь (для закалки), дать ей остыть, охладить лошадь; 3) есть мало; 4) охладить, остудить, дать остыть», в старомонгольском языке имеет соответствие *soyiqu* с теми же значениями. Основой является *soyi*= . Учитывая указанные выше трансформации комплексов, давших в современном монгольском языке дифтонги, проводим ее реконструкцию: *soyi*= < **sogi*= < ***soyi*= . Полученный архетип соответствует древнетюркскому *soyi*= «остывать» (> др.-тюрк. *soyiq* // *soyiq* «холодный»), зафиксированному также в форме побудительного (*soyit*= «охлаждать») и страдательного (*soyul*= «охлаждаться, быть остуженным») залогов (материал из древнетюркского языка взят из «Древнетюркского словаря»). Ср. также еще аналогии: совр. монг. *уйла*= «плакать» < *uyila*= < **ugila*= < ***uyila*= (ср. др.-тюрк. *ayila*= «плакать»); совр. монг. *хайрцаг* «ящик; коробка; сундучок; ларец» < *qayirčay* < **qagirčay* < ***qayirčay* < др.-тюрк. *qabirčaq* «1) ящик, сундук; 2) погребальные носилки, гроб». Тюркский вариант *qaburčaq* даёт в монгольском языке при адаптации другое развитие – **qayurcaq* > *qa'určay* > *хуурцаг* «1) ящик, ларец, шкатулка, сундучок; 2) гроб». Древний монгольский комплекс *ayu* закономерно даёт в современных монгольских языках долгий *уу*, как, например, в слове *уул* «гора» < *ayul-a*. Комплекс *oyu*, как об этом уже сказано выше (в цитате из работы Ш.-Н.Р. Цыденжапова), закономерно даёт долгий *оо*.

Архетип ***oyir*, восстанавливаемый в этнониме *oyirad*, можно считать фонетической разновидностью древнего тюркского этнонима *oyur* – рота-цирующего варианта древнего тюркского слова *oyuz* «племя, объеди-

нение племен», в основе которого, как отмечает ЛА. Покровская [2003. С. 23–24], А.Н. Кононов [1958. С. 82–84] верно выделил корень *оу* (*оq*), означающий «род; племя» (ср., кстати, старомонгольский термин *иу* «1) основание, корень; 2) начало; возникновение; происхождение; 3) основа, суть»), снабженный показателем множественного числа *-(u)z*. Этот же корень прослеживается и в тюркских словах *оуиѝ* «1) род, племя; 2) каста; 3) род, класс; порода»; *оуул* «1) ребенок, мальчик; 2) сын; 3) детёныш животных и птиц». Впоследствии словоформы *оуир* // *оуиз* стали употребляться в качестве этнонимов, причем *оуир* - тюрками с ротацирующим языком, а *оуиз* - с зетацирующим. Такая дифференциация наметилась еще в Алтайскую эпоху, как утверждает Н.А. Баскаков [1969. С. 152]: «Итак, дифференциация тюрко-монгольских племён и выделение монгольских племён с характерными для них *р~л-* языками и тюркских племён с характерными для них *з~ш/с-* языками окончательно завершилось в Алтайскую же эпоху из общих тюрко-монгольских племён и в том числе огуров, сарагуров, котригуров и пр., которые легли в основу главным образом тюркских племён (ср. этнонимы булгар и более поздних уйгуров) и дифференцировались позже в Алтайскую и Хуннскую эпохи на *огур~уйгур* (форма, характерная для языков монгольских и тюркских – болгарских, сохранивших ротацизм) и *огуз* (форма, характерная только для тюркских языков)».

Относительно тюркских языков Хуннской эпохи (III в. до н. э. - IV в. н.э.) Н.А. Баскаков [1969. С. 155–156] пишет следующее: «В Хуннскую эпоху тюркские языки были представлены уже многими племенными языками, в которых происходил процесс их дифференциации на *р~л-* языки, т.е. языки огуров (угуры), онугуров, сарагуров (сарагуров//сараугуров), кутургуров - предков древних аваров, сабилов, булгар и современных чувашей, и *з~ш-*языки, т.е. языки огузов (узов), древних киргизов, части древних уйгурских племен, оставшихся на востоке, а также из позднейших потомков, главным образом огузов, кыпчаков и карлуков». Подробнее о ротацизме в языке современных чувашей и древних булгар см., кстати, в работе М.Р. Федотова [1980. С. 138–156].

О языке древних булгар, родственном древнему хазарскому языку, Н.А. Баскаков [1969. С. 233] сообщает: «Булгарский язык - древний язык населения Булгарского государства на Волге и Каме, образовавшегося в VI-VIII вв. в результате консолидации разрозненных уйгурских и других тюркских и отчасти нетюркских родов и племен: утургуров, кутургуров, огуров, сарагуров, а также сабилов (суваров), предположительно аваров и прочих, входивших прежде в обширное объединение хунну».

Уйгуры здесь упомянуты неспроста, ибо в основе их названия, по нашему мнению, лежит этноним *огур* (*~угур*), столь характерный для древнего булгарского ареала. Племенное название *уйгур* хорошо объясняется из тюркского словосочетания *ой* «долина, степь» + *огур* (*~угур*), т. е. «степные огуры (или угуры)». О реальности бытования у уйгуров в древности этнонима *огур~угур* свидетельствует тот факт, что после разгрома уйгу-

ров кыргызами в 840 г. основная часть их ушла в Восточный Туркестан и образовала там новое уйгурское государство, которое арабские источники называли государством тогуз-угуров (т.е. девяти угуров) [Баскаков 1969. С. 159]. В противоположность «степным огурам (уйгурам)» в древности были и тюркские племена, обитавшие в горной местности, по этой причине получившие название *кыргыз*, т.е. *кыр* «горный хребет» + *огыз* (фонетический вариант этнонима *огуз*). В тюркских языках вообще, как в древних, так и в современных, широко представлены ареальные чередования не только согласных *p~z*, *l~ш*, но и гласных, особенно в аффиксальных элементах. Здесь типичными вариантами выступают гласные *у~ы* в твёрдых словах и *ү~и* в мягкорядных. При этом наблюдается закономерность – узкие огубленные варианты более характерны для ареала огузов и уйгуров, узкие неогубленные – для кыпчакского. Слов с таким чередованием гласных немало встречается в «Древнетюркском словаре», например: *jumšaḡ* // *jīmšaḡ* «мягкий», *qašiq* // *qašiq* «ложка», *qorqinč* // *qorqunč* «страх», *qorqinčsüz* // *qorqunčsuz* «бесстрашный», *qutsüz* // *qutsuz* «несчастливый», *qojin* // *qojun* «овца», *qoyış* // *qoyuŝ* «сыромятная кожа», *oqi=* // *oqu=* «читать» и т.п. Там же зафиксировано много слов и с чередующимися согласными *r~z* (*p~z*), например: *qutur* // *qutuz* «благородный олень, марал, як», это слово имеет, кстати, также значение «буйный, неукротимый» (аналогично монгольскому слову *догшин*), *qoqur* // *qoquz* «пустой». Учитывая все сказанное выше о вариантах чередований гласных и согласных в тюркских языках, вполне реальными представляются не только варианты *oḡur* // *oḡuz*, но и **oḡür* // **oḡüz*. Вариант **oḡür*, попав на монгольскую почву в глубокой древности при омонголивании некоторых тюркских племен, по всей вероятности кыпчакского ареала, закономерно развился, получив монгольский показатель множественности *-(a)d*, в *oḡirad*, давшее в современном монгольском языке *ойрд*, в калмыцком *өөрд*. Другой же вариант – *oḡur* – прослеживается в старомонгольском письменном языке в составном этнониме *our tongyul*, соответствующем современному монгольскому *оор монгол*, означающему «подлинный монгол, настоящий монгол». Здесь комплекс *oḡu-* закономерно дал долгий гласный *oo*. Омонголивание, кстати, крупного кыпчакского племени *qoḡyür* (~*qoḡyur*) способствовало полной адаптации этого этнонима в монгольской языковой среде, где он получил, как и *oḡür*, монгольский показатель множественного числа *-(a)d*, т.е. этноним стал выглядеть как **qoḡyürad*, который на монгольской языковой почве впоследствии развился в *qonggirad*. Сейчас *хонгирад* – одно из монгольских племен, известных еще в средние века.

Тесное взаимодействие в течение многих тысячелетий тюркских и монгольских этносов, а соответственно и их языков, привело к взаимопроникновению не только языковых, но и этнических элементов – к отторжению отдельных монгольских родов и племен, к омонголиванию ряда тюркских. Следствием такого взаимодействия тюркского и монгольского этносов явилось развитие в их языках очень больших процентов общих

элементов в различных уровнях их языков. Так, по подсчетам В.Л. Котвичи [1962. С. 351], между тюркскими и монгольскими языками выработалось около 50% общих элементов в грамматике и около 25% - в лексике.

2. Продолжая тему тюрко-монгольского языкового взаимодействия, следует отметить, что помимо взаимопроникновения этнонимов вместе с этническими элементами и обычных языковых грамматических и лексических элементов, в тюркские и монгольские языки проникло много различных титулов, военных, общественно-политических, юридических, религиозных и иных терминов, а также антропонимов. Монгольский средневековый язык, судя по материалам «Сокровенного сказания монголов» 1240 года [Козин 1941], «Мукаддимат ал-адаб» XIV в. [Поппе 1938] и иным источникам, вполне может послужить таким примером. Наше исследование тюркских элементов в языке «Сокровенного сказания...» [Рассадин 1995. С. 108–115] показало, что в нём зафиксировано много таких тюркских лексических элементов, которых нет ни в старописьменном, ни в современных монгольских языках и которые составляют специфику языка данного памятника. Среди этих элементов множество личных имён самих монголов, причем либо сподвижников Чингисхана, либо иных известных и знатных людей. При этом тюркское происхождение этих имён не вызывает никаких сомнений. Например: *Отчигин-нойан* (< тюрк. *ot* «огонь, очаг» + *tegin* // *tigin* «наследный принц, самый младший принц», т.е. *ot tegin* // *tigin* - это наследный принц, хранитель отцовского очага; есть закономерность: тюркский слог *ti* при адаптации тюркских слов в монгольском языке, как правило, переходит в слог *či* - ср. монг. *čičire* = < тюрк. *titire* = «дрожать, трястись»); *Кудус-калчан* (< тюрк. *qutuz* «бешеный, неукротимый», отмечено в составе древних тюркских личных имен); *Алакуш-Дигиткури* (< тюрк. *ala quş* «пегаая птица»). Особенно много тюркских по происхождению антропонимов у монголов из племен найман и керейт, например: *Алтун-Ашук* (из др.-тюрк. *altun aşuq* «золотой шлем»); *Кучулукхан* (из др.-тюрк. *küçlük* «сильный, могущественный»); *Йеду-Тублук* (из др.-тюрк. *yedi tüylük* «семизнаменный») и др. [Рассадин 1995. С. 109–111].

Поскольку есть предположение, что в основе ойратов и халха (оор монголов, т.е. древних огур-монголов) находятся омонголенные в древности тюркские племена, то вполне закономерно допустить в языках древних и средневековых ойратов и оор-монголов сохранение помимо обычных тюркских слов также личных имен (что, кстати, и наблюдается в языке «Сокровенного сказания монголов») и различных титулов.

Так, например, героем одного из богатырских эпосов ойратов и монголов является Джангар (в калмыцкой передаче - *жаңһр*, в халха-монгольской - *Жангар*, в старописьменном монгольском языке - *jingyar*). Есть много разных вариантов этимологии этого имени. Здесь мы не будем их касаться, ибо не ставим такой задачи. Выскажем лишь предположение, что в основе этого имени лежит древний общетюркский глагольный корень

yey = «побеждать, одолевать», который по ареалам тюркских языков имеет звуковые варианты: *yiy* = // *žey* = // *žiy* =, а в сибирских тюркских языках и с глухой начальной аффрикатой *čey* = // *čiy* =. С.Е. Малов [1951. С. 384] зафиксировал также твёрдорядный вариант *yay* = «побеждать, прогонять». Таким образом, более архаичный старомонгольский вариант можно разложить на корневую морфему *jing* = (восходящую к тюркскому глаголу *žiy* =) и элемент =*yar*, который можно идентифицировать с общетюркским отглагольным словообразовательным аффиксом прилагательного =*yir* // =*gir* (имеющим зетацирующий вариант =*yiz* // *giz* =), выражающим качество по действию, ср. например, тат. *алгыр* «хваткий» (< тат. *ал* = «брать, получать»). Следовательно, прототипом ойратского *jingyar* может быть тюркская словоформа **žingir* либо **žayyir*, означающая «всегда побеждающий, всегда одолевающий», что вполне соответствует образу Джангара - героя эпоса.

Относительно имени Чингис-хан можно предположить несколько вариантов его этимологии на тюркской языковой основе. Прежде всего необходимо вспомнить, что это имя произносится в других языках (например, тибетском, тюркских) как *Джингис* // *Джингиз*, а также *Чынгыз* // *Шынгыз*. Во-первых, в этом имени можно усматривать, как и в имени Джангар, тюркский глагол *žiy* = (или его глухой вариант *čiy* =) и тюркский же аффикс прилагательного =*giz* (его зетацирующий вариант). Тогда словоформа *žingiz* (или ее глухой вариант *čingiz*) означала бы то же самое, что и тюркский прототип имени Джангар – «всегда побеждающий, всегда одолевающий», что тоже соответствует образу Чингисхана. Во-вторых, Чингис можно возвести к тюркской именной основе *žinis* // *žiniš* // *činis* // *činiš*, образованной от глагола *žiy* = // *čiy* = «побеждать» и означающей «победа». А можно, в-третьих, допустить, что в основе имени Чингис лежит древнее общетюркское слово *teniz* «море», зафиксированное в памятниках древнетюркского языка также в виде *tiniz*. Именно этот вариант со слогом *ti*, давшем на монгольской языковой почве *či*, мог дать в монгольском языке словоформу *činiz*, лёгшую в основу данного имени, означающего «великий, как море хан». Мы больше склоняемся к третьему варианту. Подкрепляет реальность этой последней версии факт употребления тюркского слова в форме *tengis* в средневековом монгольском языке («Сокровенное сказание монголов», § 148) для называния не только моря, но и великого человека (как, кстати, происходит и со словом *далай*), о чем пишет Н.Н. Поппе [2002. Т. 168] в одной из своих работ, переизданных в Монголии на монгольском языке.

3. Имя героя другого Центральноазиатского эпоса - *Гэсэра* - тоже можно попытаться объяснить, исходя из тюркских языков. Если попытаться выделить здесь две части: *Гэс* и *эр*, то увидим, что элемент *эр* совпадает с тюркским словом *er* «муж, мужчина», который часто входит в состав древних тюркских личных имен. Элемент *гэс* можно идентифицировать с

древнетюркской лексемой *ked* (с конечным межзубным *z*), зафиксированной в древнетюркском языке также в вариантах *ked // ket*, со значением «сильный, крепкий», иначе говоря, древнее тюркское *ked er* (*кез эр*) означало «сильный мужчина, крепкий мужчина». Оно сохранилось в современных тюркских языках Сибири - в хакасском *кизер*, в алтайском *кезер* - оба в значении «витязь» в качестве военного титула древних героев. Тюркское *kezer*, видимо, в качестве титула героя попало в монгольские языки, в которых оно первоначально тоже употреблялось в качестве титула. В бурятском эпосе «Абай Гэсэр хүбүүн», как самом архаичном из всех монгольских вариантов эпоса «Гэсэр» - элемент *Гэсэр* в этом составном имени тоже, по всей вероятности, титул, сопровождающий личное имя героя Абай, при этом тюркский титул подкреплён собственным бурятским *хүбүүн* «парень», в переносном значении «мóлодец».

Таким образом, мы попытались здесь обосновать тюркские этимологии известных среди монгольских народов этнонима *ойрад* и имён *Джангар*, *Чингис* и *Гэсэр*. Продолжение этимологических более углубленных исследований этих, а также других имён с учетом тюркского языкового материала может быть весьма перспективным.

Список литературы

- Авляев Г.О. *Происхождение калмыцкого народа*. Элиста, 2002.
- Банзаров Доржи. *Собрание сочинений*. М., 1955.
- Баскаков Н.А. *Введение в изучение тюркских языков*. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Высшая школа, 1969.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырёх томах. М.: «Academia», 2002.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Козин С.А. *Сокровенное сказание монголов*. М. – Л. 1941
- Кононов А.Н. *Родословная туркмен*. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.
- Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам / Пер. с польск. М. 1962.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
- Покровская Л.А. Ещё одна этимология этнонима *oguz* // Материалы конференции, посвященной различным вопросам тюркологии в рамках программы «Год Казахстана в России» (4–5 ноября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003.
- Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М. – Л., 1938.
- Поппе Н.Н. Дундад үейин монгол хэлэнд орсон үгс // Улаанбаатар, 2002. 163–168.
- Рамстедт Г.И. Этимология имени ойрат // *Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина*. СПб., 1909.

- Рассадин В.И. Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» // «Тайная история монголов»: источниковедение, история, филология. Новосибирск: Наука, 1995.
- Санжеев Г.Д. Жизнь и деятельность Доржи Банзарова // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1955.
- Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1980.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Об этимологических изысканиях Доржи Банзарова // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1955.
- Цыденжапов Ш.-Н.Р. Фразеологизмы старописьменного монгольского языка. Улан-Удэ, 1990.